

ЛАБИРИНТЫ ЧУЖОЙ ДУШИ

ЛЮДМИЛА ЕВСЮКОВА

Людмила Евсюкова
Лабиринты
чужой души. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45554415

ISBN 9785005049698

Аннотация

Путь к счастью тернист и извилист. Две малышки в разное время попадают в приемную семью. Взрослея, они мечтают: одна о семье и детях, вторая о богатстве, славе и веселой жизни. Они спорят, кто быстрее достигнет исполнения мечты. Вызов брошен. И не известно, к чему это приведет. В произведении любовь и блуд, плен, погони, насилие, обман и семейные отношения. Роман о молодежи и для нее. Надеюсь, придется по душе и людям более старшего возраста.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Мечты о ребенке. 1960 год. Встреча с Верочкой	6
Глава 2. Верочка в семье	25
Глава 3. Сон. Люба. 1964 год	43
Глава 4. Люба привыкает к семье	63
Глава 5. 1966 год. Поездка к бабушке	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Лабиринты чужой души

Книга 2

Людмила Евсюкова

© Людмила Евсюкова, 2019

ISBN 978-5-0050-4969-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-4970-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В юности Мила увидела по телевизору фильм о брошенных малышах в детских домах. Они сидели с отсутствующим взглядом или раскачивались в кроватях, словно самостоятельно убаюкивали себя, быстро хватали хлеб из рук воспитателей и тут же молниеносно прятали под подушку: про запас. С тех пор она захотела взять хоть одного малыша в семью, чтобы понял: не все в этом мире плохо.

Свою мечту она пронесла через годы. И, вырастив собственных детей, Илью и Наталью, продолжала с болью воспринимать сообщения, что кому-то живется плохо без мамы и папы, желая обнять, обогреть, облегчить жизнь сироток. Они с мужем все чаще стали задумываться, куда девать нерастраченную любовь?!

Глава 1. Мечты о ребенке.

1960 год. Встреча с Верочкой

– Представляешь, сегодня ходила в новый район за покупками. – Встретила Мила мужа.– Вот, где красиво! А самое интересное, – там открыли новый детский дом. Совсем рядом, а мы и не знаем.

Василий обнял ее за плечи:

– Случаются же чудеса! А мы утром ремонтировали машину директора этого заведения. Очень приятная, кстати, женщина. Разговорчивая такая. Намекнул о твоей навязчивой идее помочь хоть одному малышу.

Она засмеялась:

– Ну, надо же! Вот находка для детского дома! У нас свободна вакансия помощника по хозяйству. Пусть устраивается. Это и станет помощью не одному, а всем обездоленным малышам.

Миле не надо было доказывать важность быть рядом с будущими претендентами на усыновление. На следующий день она отправилась устраиваться, спеша мимо магазинов, киосков и афиш, и ничего не замечая вокруг. Перед ней стояла цель и ничто больше не волновало.

В первый же день к ней подошла малышка с курчавыми волосами, и, заглядывая в глаза, просто сразила в упор сло-

вами:

– Мама, ты за мной пришла?

Она напоминала родную дочь в детстве: белокурая, с голубыми глазами, маленькая и трогательная. Так хотелось прижать ее к себе и никогда не отпускать. А другой крепыш оттолкнул ее:

– Уходи! Это моя мама!

Надо было видеть глаза той девочки и вытянутые от обиды губы.

Мила поспешила на склад, натыкаясь на кусты сирени, столбы и углы подсобок. Она пыталась занять себя работой, но случай надолго выбил из колеи и поселился в голове. Как бы хотелось отогреть своей неизрасходованной любовью хоть одного малыша. Но для этого нужно столько справок и шагов по бюрократическим кабинетам, что становилось страшно.

Ее всегда поражала гробовая тишина в учреждении. Если ребенок падал – никто не обращал внимания, детям там не для кого плакать. Они, молча, опираясь на крошечные кулачки, вставали без слез и успокоения, насупив маленькие бровки.

Понятно, это же не семья. Папа не подхватывал на руки, мама не прижимала к груди теплыми ладонями и не хваталась за сердце бабушка, причитая: «Где болит? Дай поцелую!» А брат или сестра не заступались, их просто не оказывалось рядом. Может, они и были где-нибудь в другом дет-

ском доме или просто не приучены помогать.

Мила часто наблюдала, как дети гуляли с воспитательницей во дворе. Всех их одевали в одинаковые одежды. Когда время паркура заканчивалось, педагог хватала за шкирку по несколько малышей в каждую руку, как мы берем пакеты в магазине, когда их надо перенести в собственный автомобиль.

Она не хотела сделать им больно, просто требовалось завести их в здание. Тогда девочки и мальчики семенили своими ножками за ней, кто, глядя под ноги, кто боком, а кто вообще, разговаривая с другом, передвигался спиной вперед. Схвати так домашнего ребёнка, – поднимет визг, обидится. А детдомовские малыши переносили такое обращение, лишь сопя и хмурясь.

Чтобы они не тянулись к ласке, их меньше брали на руки. Не дай Бог, привыкнут к мизеру нежности и любви. Не читали им сказку на ночь и не подкидывали вверх. Для них все, происходящее в нормальных семьях, – недоступная роскошь.

Мила иногда задумывалась:

– Что за твари эти матери-кукушки, которые оставляют своих детей? Люди они или звери? Хотя, причем тут звери?? Кошка долго мечется по дому, пытаюсь разыскать спрятанных котят, собака воеет и плачет человеческими слезами, оставшись без щенков.

Как-то к Миле подошла директор детского дома:

– Смотрю, вы часто наблюдаете за малышами.

– Бывает. И сердце кровью обливается, какой же гадостью отпетой надо быть, чтобы бросить свою кровиночку. Или детки здесь совсем без родителей?

– Случаются, конечно, полные сироты среди них. У многих мамыши и папаши, пропьянствовав и нагулявшись вдоволь, раз в полгода – год вспомнят, что есть ребенок. Тогда, обрюзгшие и грязные, являются сюда, притянув малышу раскрошенную в кармане шоколадку или конфетку.

Придут, потреплют за щечку, сделают «козу рогатую» или пощекочут под мышками «у-тю-тю-тю-тю». И отправятся обратно в свой пьяный угар, пообещав скоро проведать снова. Это пустое обещание может длиться месяцы и даже годы. При этом они отнимают у ребенка надежду на нормальную семью.

Мила удивилась:

– Не поняла, как это?

– Детей, у кого, вроде, и есть родители, и их нет на самом деле, нельзя усыновлять. И страдают они в одиночестве много лет, без возможности хоть когда-то обрести счастливую жизнь.

Через некоторое время нерадивая мамаша, вполне возможно, воспроизведет на свет ещё одного ребёнка, и этого братика или сестренку пришлют сюда же «в подарок» нашему страдальцу.

– И такое бывает?

– О! Тут случается всякое! Поработаете немного и не с таким столкнетесь.

– И как же бедным малышам тут живется?

– Как? Да не очень! Мы стараемся заменить им семью, праздники устраиваем, походы, подарки дарим, беседуем, подсказываем. Но детский дом – не семья. Они здесь сникают, теряют уверенность в завтрашнем дне, мечтают мельче, чем могли бы. И совсем не знают жизни за забором.

Верочка, по неясной причине выбравшая Милу мамой, появлялась теперь на складе часто. То конфетку не съест в обед, сохранит для мамы, то цветочек незаметно для всех сорвет с клумбы, только бы она была довольна и взяла домой. За что она обиделась на нее, и оставила здесь, девочка не могла взять в толк.

В детский дом приехала с проверкой работница опеки Наталья Петровна. В этот раз она быстро управилась, позвонила в контору, чтобы за ней выслали транспорт, и теперь просто сидела на лавочке возле жилого корпуса и наблюдала за детьми, играющими в классики на аллейке.

К ней подседа Верочка в розовом платянце с клубничками:

– Тетя Наташа, а у меня мамина карточка есть.

– Правда? Ну-ка, где она! – протянула проверяющая руку за снимком.

Малышка достала из кармана маленькое фото для паспорта, любовно завернутое в листок, развернула бумажку, рас-

правила снимок. И боязливо протянула Наталье Петровне:

– А вы не отберете? Это тетя соседка дала, когда меня из больницы выписывали, и сказала:

– Не забывай маму! Она хорошая была.

На Наталью Петровну с мизерной карточки смотрела девушка с русыми волосами, собранными в пучок.

– Молодая у тебя мама. Красивая. Ты помнишь ее?

– Ага. И часто хожу к ней. Она здесь, рядом. Показать?

Вот это номер! Девочка полгода в учреждении, а не мирится с потерей, даже в детдоме продолжает искать маму. И, кажется, сумела найти ей замену.

– Конечно, хочу! У меня еще есть свободное время.

– Давайте скорей руку, – заерзала на месте девочка.

И чуть ли бегом потащила Наталью Петровну по аллеям детдома от жилого корпуса мимо мастерских к складу.

Когда вошли в помещение, к ним повернула лицо женщины примерно лет сорока. Скорее, моложе. Когда она улыбнулась, стало как-то светло, и радостно засияло лицо малышки.

– Это ты, Верочка? Так и знала. Только тыходишь, как мышка, тихо и осторожно.

Что-нибудь случилось?

– Нет, мамочка. Просто захотела тебя Наталье Петровне показать.

Мила смутилась. А малышка подбежала к ней и прижалась к ногам.

– Ну, что ты будешь делать? Зовет меня мамой и все, –

виновато пожала плечами Мила.

Наталья Петровна погладила девочку по голове:

– А что, Верочка, и, правда, похожа.

И протянула Миле фотокарточку.

– Вы извините! Такое не часто бывает, но у вас с ее мамой почти одно лицо.

– Так вот, почему она с самой первой встречи зовет меня так?! – Мила обескураженно рассматривала фотографию. Затем дала девочке кружку:

– Верочка, будь добра, принеси нам водички. Помнишь, где бак стоит?

– Ага, – с удовольствием понеслась та вприпрыжку в другую комнату.

Мила вздохнула:

– Понимаете, я в полном неведении. Скажи ей, что я не мама, она замкнется. Не обращать на это внимания, – тоже нельзя. Что делать, не знаю. Девушка с фото, и правда, похожа на меня в молодости. Я такой была лет десять-пятнадцать назад.

– Немудрено, что она признала в вас самого близкого человека.

– Она прибегает каждый день: когда хорошо, – поделиться настроением, когда плохо, чтобы заступилась или пожалела. Я так привыкла к этому, что не представляю, как буду жить, если ее вдруг кто-то удочерит?

Брови Натальи Петровны взмыли вверх:

– Она хорошенькая, любой будет рад такой дочке. А кто мешает сделать это вам? У вас есть дети?

– Сын и дочь взрослые, живут отдельно. Мы с мужем одни. Думали об удочерении Верочки, даже в опеку ездили, где получили список нужных документов. Мы испугались. Это нереально пройти дюжину кабинетов, когда работаешь, да еще чтобы бумаги за время сбора не потеряли силу.

Проверяющая положила руку на плечо Милы:

– Не расстраивайтесь! Могу дать совет!

– Какой?

– Как ускорить удочерение.

Та встрепенулась:

– Вы что, уже занимались этим?

– Нет, просто знакома с этой кухней – работаю в опеке и попечительстве. И здесь сейчас с проверкой.

– А... Вот было бы кстати, – в глазах Милы затеплилась надежда.

Наталья Петровна поглядела в них изучающим взглядом:

– Кстати, мы сегодня разговаривали о вас с директором учреждения. Она говорит, вы не раз засматриваетесь с любовью на малышей, сочувствуете им, и что лучших родителей для Верочки не найти.

Мила покраснела.

Проверяющая продолжила:

– Советую начать собирать бумаги с заказа справок из милиции о судимости и из налоговой службы. Их долго ждать

приходится. Потом уже брать справки о зарплате и наличии жилья. А остальное все за несколько дней можно пройти.

Мила умоляюще посмотрела в глаза собеседницы:

– Я понимаю, это секретная информация, но поймите мое желание знать историю осиротения Верочки. Директор только и сказала, что у нее все нормально. Я и сама вижу: она умная, светлая девочка. И пока не замечала за ней странностей поведения.

– А вы ничего такого и не увидите. Она из хорошей семьи. Были родители, бабушка и старший брат. Жили все в стареньком доме в селе. Она ходила в ясли, когда заболела сальмонеллезом, положили в больницу одну на двадцать с лишним дней.

За неделю до ее выписки родители и братишка возвращались из больницы. Встречный КАМАЗ на всей скорости вылетел на светофоре на красный свет, разнес их машину в пух и прах. Все сразу же погибли. Бабушка не вынесла горя, умерла дня через два. И малышку выписали прямо в детский дом. Ей об этом не говорят, вот и ищет она сама то, что было дорого.

– Так я и думала. Она хорошо воспитана, спокойная и уважительная. Бывает иногда грусть в глазах, но это ничто по сравнению с тем, чем отличаются некоторые здешние от домашних детей.

– Вы правы! Дети встречаются всякие. Иных не то что усыновлять, в колонии боятся брать.

В комнату вошла Верочка и протянула кружку:

– На, мамочка, пей! Я кружку помыла. Она чистая.

– Солнышко ты мое! Как я тебя люблю, – только и смогла выговорить срывающимся голосом Мила, прижав Веру к себе. – Я обязательно заберу тебя домой, только бумаги все соберу и отвезу Наталье Петровне. Подождешь еще? Ладно?

– А без бумажек нельзя? – заглянула вопросительно в глаза Милы девочка.

– Нет, ласточка. Они очень важны, – погладила волосы девочки Наталья Петровна.

– Тогда подожду! Соскучилась по дому очень.

– Вот и помощница появится у мамы! – Проморгавшись от внезапной влаги на глазах, сказала Наталья Петровна. – Ладно, как с вами ни хорошо, мне надо идти, машину должны уже прислать. Жду вас с бумагами, помогу забрать Верочку. Дети в госучреждения быстро угасают, не выносят одиночества и тоски.

Мила вздохнула и шепотом произнесла:

– Жалко, если такая смышленная малышка поймет, что никому нет дела до нее. Ей тепло и ласка нужны. Их у нас с Василием хватит еще не на одну такую крошку. Только бы все получилось.

Наталья Петровна улыбнулась:

– Да не переживайте вы так. Все будет хорошо. Главное – вы с девочкой нашли друг друга.

Этим вечером дома еще раз произошел разговор с мужем:

– Вот бы получилось Верочку взять, – мечтательно произнесла Мила. Она положила голову на плечо Василию и ждала ответа.

Он погладил ее по голове:

– А сможем ли мы принять ее? Полюбить? Стать примером? Мы совсем простые люди, не все со своими-то ясно было. Да и опять же пакет документов с разным сроком годности. Не сумел вовремя сдать их, – собирай новые.

– Ну, этим займусь я сама. И насчет знаний, узнавала: есть «Школа подготовки приемных родителей», там учиться два или три месяца. И в конце концов, все становится ясным.

– Когда ты успела? – почесал Василий затылок.

– Да с интернетом это легко.

Муж пожал плечами:

– Я не против удочерения. Слишком тихо и пустынно стало в доме, как Илюша и Наташа создали свои семьи. Только обучаться придется тебе самой. Меня с работы не отпустят.

– Ладно, специально для тебя буду конспекты составлять. – У Милы от счастья засверкали глаза. – Дома потом считаешь.

– Ну, не знаю, получится ли у нас?! После прошлого посещения опеки мы приехали домой расстроенные!

Они вспомнили, как их встретила тогда толстая, вредная работница отдела, миллион раз повторяющая, что она специалист в области опеки и попечительства.

– Угу! Мы тогда были просто на нервах, особенно после ее

слов: « Дети без родителей – это всегда беда. За каждым таким малышом стоят трагедии: у одних родителям не до них за пьянкой и развратом, у других несчастье, тяжелая болезнь или потеря родных. Мы это знаем, как и понимаем, что всем не поможешь!»!

– Вот-вот. Она подозрительно вглядывалась в наши лица: «Признайтесь, зачем вам это надо? Квартиру получить больше хотите? Или еще что?»

– Жилье у нас есть и хотим только девочке помочь выжить в этом мире, адаптироваться и стать, в конце концов, счастливой, – ответила тогда я. – А она снова «Не каждый своих-то детей может такими сделать. Вот ваши дети довольны жизнью?»

– Да, они имеют свои семьи. Живут отдельно, – снова отпарировала я.

– Ну, тогда, конечно, – смилостивилась она, – добавил Вася. – Как меня раздражала эта вредная баба со своей подозрительностью. Я тогда настойчиво возвращал разговор на нужное нам русло:

– Скажите, а вы сообщаете приемным родителям причину попадания ребенка в учреждение?

– Бывает, да. Чаще нет.

– Почему?

– Иногда случается, ребенок понравился потенциальным родителям и потянулся к ним он. Ну, скажем мы, что он от матери-алкоголички. И что? Тут же все отменится.

– Конечно! Все знают, что женский алкоголизм не лечится. А яблоко от яблоньки недалеко падает.

– Вы поймите, гены не всегда дают о себе знать. На это мы и рассчитываем. Пример новых родителей может пересилить пороки биологических отца с матерью.

– А могут, и нет, – снова возразил я.

– Это как повезет. Но критерий пятьдесят на пятьдесят все равно обнадеживающий, – отпарировала вредная и упрямая баба.

От воспоминаний и расстройства у Василия поднялось давление. Он достал из внутреннего кармана упаковку с таблетками, проглотил одну из них. С лица спала краснота.

Мила тогда обняла его:

– Не волнуйся, милый. Не одна она там работает. Я сегодня беседовала с очень приятной женщиной оттуда. Она, кстати, пообещала помочь.

Тут Василий снова сел на коня неуверенности:

– А вдруг все-таки гены разыграют?

– Что ты вечно все с ног на голову переворачиваешь? Все лечится. Наши дети тоже болели, мы же не бросались в панику, а просто лечили. Да и сами мы не исполины без болячек.

– И кого же мы возьмем?

– Ну, что ты, забыл что ли? Я тебе сегодня говорила и показывала трехлетнюю Верочку из нашего детдома, – повторила Мила.

– А, ну да! А у нее родители – не алкоголики, не венери-

ческие больные?

Мила знала пунктик мужа – он панически боялся заразных болезней.

– Нет. Нормальные люди. Мама работала пианисткой, отец психологом. Все погибли в аварии вместе с сыном.

– Ну, дорогая, если считаешь это важным для нас, дерзай. Не мне с ней возиться. Вспомнил, она, кстати, чем-то напоминает Наташеньку в детстве.

Мила собрала пакет документов, отучилась на курсах приемных родителей. Сдала все в органы.

Тут позвонила директор детского дома:

– У меня две новости: плохая и хорошая. С какой начать?

– Давайте с плохой, Елена Борисовна, – заволновалась

Мила.

– По указанию отдела опеки девочку, которую вы хотели удочерить, отправили в другой детский дом, там обнаружился ее дальний родственник.

Мила стала белой, как полотно. И в бессилии съехала по стене на пол.

– Алло! Алло! Вы меня слышите? – неслось из трубки, когда в комнату вошел Василий. Ему было не до телефона. Жена находилась в обмороке. Он достал из аптечки нашатырный спирт, капнул его на ватку. И поднес к ее носу:

– Что случилось, милая?

– У Верочки нашлись родственники, – заплакала она, придя в себя. – Ее отправили в другой детский дом.

– Кто тебе сказал? – забеспокоился Василий.

– Директор детдома.

– Поэтому телефон на полу?

– Наверное, выронила, когда голова закружилась.

Василий поднес трубку к уху, послушал. Оттуда монотонно несло:

– Мила, где вы? Ми-ла, ал-ло!

– Елена Борисовна, извините, это Василий! Ей стало плохо. Я приводил в чувства, поэтому не брал трубку. Потом узнал ужасную новость. Нам теперь не стоит даже думать об этой малышке?

– Как себя чувствует Мила? Я ведь только плохую весть донесла до нее. Сама ведь просила начать с нее. Другая новость такая: этим родственникам нужен только дом в деревне, в котором жила семья Верочки. У них своих детей пятеро, живут в съемном жилье. Еле концы с концами сводят. К ним ездила Наталья Петровна с вопросом: возьмут ли сиротку на воспитание.

Сказали, только из-за жилья могут согласиться на это. А с ребенком они потом придумают, как поступить. В общем, приходите завтра с утра ко мне. Мы тут с Натальей Петровной придумали, как вам помочь. Но это не телефонный разговор.

Супруг поднял с пола Милу, помог ей одеться. А назавтра они отправились в детский дом. Директор ждала в своем кабинете. У окна с кем-то беседовала по телефону Наталья

Петровна:

– В общем, у нас есть к вам выгодное предложение. Думаю, все останетесь довольны: и вы, и усыновители. Ждем вас срочно в детском доме.

Потом Наталья Петровна повернулась к Писаревым:

– Хочу рассказать вам, уважаемые усыновители, о своем посещении так называемых родственников Верочки. Там нищета, грязь, теснота и полное безденежье.

– Так пусть идут работать. Что, у них рук нет, что ли? – подал голос Василий.

Наталья Петровна отмахнулась:

– Ну, нельзя так категорично все решать. Это спорный вопрос, на мой взгляд. Мужчину сократили в автопарке. Хотела бы я посмотреть, как бы вы сами вышли на работу на месте женщины, у которой пятеро детей один другого меньше. И младшему всего полгода.

– Никто не имеет права сокращать многодетную мать, – возмутился снова Василий.

– Умоляю вас! Это частное предприятие. Кто сейчас придерживается законов? – Вздохнула директор детдома.

Василий вспылал:

– Слава Богу, нас не постигла такая участь. Мы с женой всегда работаем и неплохо получаем. И никогда не гнались за количеством детей, как некоторые.

– Ну, это уж не нам решать, сколько стоит иметь детей, а сколько не надо, – снова возмутилась Наталья Петровна.

– Простите, я так переживаю из-за расстройства удочерения и совсем не соображаю, что говорю.

– Вот так – то лучше будет. Нам сейчас не пререкаться надо, а решать, как добиться от этих родственников отказа от девочки.

Стали думать.

– Как я сказала, им нужно жилье, не ребенок. Скажите, вы можете пожертвовать домиком бывшей семьи Верочки, чтобы получить малышку? – обратилась к Писаревым представитель опеки.

Мила обрадовалась возникшей из ниоткуда ниточке надежды:

– Нам только Верочка нужна. Все остальное не имеет значения. Так ведь, Вася?

– Именно! У нас все есть. Пусть и родственники девочки поправят свое положение. Если не трудно, кто по профессии глава семьи?

Директор детдома поняла ход мысли Василия:

– Мужчина – водитель такси, по-моему.– После сокращения пытался устроиться работать на своей машине. Но «Москвич» у него старенький, ржавый, никакое агентство не соглашается разрешать извоз на нем.

– Могу предложить ему место слесаря в своей автомастерской.

– А женщина не имеет профессии, – вздохнула директор.

– Можно решить вопрос и с ее трудоустройством – по ве-

черам, когда муж вернется с работы, она могла бы наводить порядок в гараже, оставив на два-три часа детей под его приглядом.

Наталья Петровна подошла к Миле:

– Зря вы расстраиваетесь, Мила. Веру мы вернули сегодня назад. Надеялись, что вы поступите именно так, как сказали сейчас. И попечительский совет вынес положительное решение. Не волнуйтесь, прошу вас.

Мила вытирала слезы радости, Василий тер брови, чтобы не расклеиться тоже. Давно известно, если одна дорога ведет в тупик, надо искать новую. И сейчас они в этом кабинете, кажется, вышли на правильное толкование проблемы.

Примерно через час дальние родственники малышки недоверчиво рассматривали Писаревых. Те, в свою очередь, присматривались к возникшим из ниоткуда родственникам девочки, к которой прикипели всей душой.

После доверительного разговора обе стороны остались довольны. Дядя с тетей отказались от Верочки. Наталья Петровна пообещала помочь им в оформлении домика на их имя.

Мила сказала тогда:

– Пока вы можете просто вселяться в него и жить.

– А я приглашаю вас обоих в мастерскую для оформления на работу, – произнес Василий важные для родственников Веры слова. Утром и вечером по моему распоряжению вас будут привозить и отвозить назад наши сотрудники.

Тут Писаревы услышали, как няня позвала малышку:
– Верочка, за тобой мама с папой пришли.

Она впервые бросилась к ним с радостным криком «Мама!», улыбнулась застенчиво папе и, вложив свою маленькую ручку в ладонь Милы, вместе с нею спустилась по лестнице.

Мила стала мамой девочке, которая давно хотела этого. От счастья ее душили слезы. Она никогда и никому не позволит обидеть свою маленькую дочку. Срок ожидания получился немалый. Но теперь в их доме топали детские ножки и слышался залиvistый смех Верочки.

Глава 2. Верочка в семье

Дочка любила нюхать цветочки. И не важно, росли они на кусте, размещены на статуе или вообще нарисованы. Как-то Мила шла с ней по улице и наблюдала картину. Во время прогулки маленький мальчик с бабушкой подошли к цветущему кусту и нещадно начали обрывать на нем листочки и желтые цветы. Ладно бы на букет, а то просто бросали под ноги. Потоптались по ним и ушли.

Мила всегда говорила детям, что растения вокруг растут для красоты и гармонии, их не обязательно рвать, можно просто понюхать и тут же настроение улучшится. Зато они поднимут жизненный тонус еще кому-то.

Малышка, видя такую картину, направилась к оборванному кустику. Ну, – думает мама, дурной пример заразителен, – сейчас последует ему. Но Вера подошла, подняла цветочек, понюхала, попыталась прилепить обратно на кустик. Не получилось. Тогда она положила его в лужицу:

– Пусть водичку пьет. А-то засохнет.

Мила с дочкой иногда срывали одуванчики, и дули на них:

– Мамоchка, смотри, зонтики разлетаются в разные стороны.

– Это наши приветики к Наташе и Илье спешат.

– А вон совсем в другую сторону полетел.

– Наверное, его понесло к бабушке.

– К бабуле – это хорошо. Она добрая. И пироги у нее вкусные. А когда мы к ней в гости поедим? Она уже, наверное, ждет нас?!

– С чего ты так решила?

– Но я – то уже хочу к ней.

– Ты, наверное, по выпечке соскучилась? Неделю ее у нас не было.

– И по ней тоже.

– Так давай займемся этим сегодня. Помогать будешь?

– Угу, я люблю с тобой работать. А какие ты, мамочка, больше любишь: с капустой, с картошкой или сладенькие, с яблоками?

– Всякие нравятся. Особенно с капустой и мясом. У меня все бабушки отлично пекли: у одной с капустой-мясом хорошие получались, у другой сладкие красивые и вкусные выходили.

– А я люблю с яблоками. И с капустой тоже ничего. А какие сегодня сделаем?

– Вот сейчас и посмотрим в холодильнике, что у нас есть? Потом решим, с чем они будут.

– Чур, я смотрю. – Подскочила со стула девочка, встала на цыпочки. И открыла дверцу:

– У-у, – вытянула она губы, – яблок всего один и один, – стала она загибать пальцы. – Этого не хватит.

– Маловато, конечно. На большой надо где-то штук шесть.

Мы сможем сделать только маленький – для тебя.

– Ура! У меня будет собственный пирог.

– А капуста у нас есть? – Спросила мама, хотя уже внизу на полке заметила вилок сама.

– Ее у нас, хоть пруд пруди.

– Пруд пруди – это сколько?

– Бабушка всегда так говорит, когда много.

Понятно. Всякий раз, как в гостях побывает бабушка, у Верочки в речи появлялись новые выражения. И вообще, девочка заметно подросла, стала болтушкой. Если раньше из нее слово лишнее трудно было вытянуть, теперь они лились, как из рога изобилия.

Мама с дочкой поставили опару. Она подошла. Затем замесили тесто. И поставили в теплое место возле печки. А пока сидели за столом и беседовали.

Тут в прихожей щелкнул замок, зашаркали чьи-то ноги. Девочка побежала на разведку:

– Ура! Мой папочка родненький пришел.– Непосредственность Веры была через край. – А мы зато с мамой тесто поставили. Будем пироги печь. Тебе какая начинка нравится?

– Да мне все равно, золотце, – поцеловал шалунию папа.

– Ну, правда?

– Тогда с капустой.

– Мамочка, и папе с капустой нравятся. Вся семья прям капустная какая-то подобралась, – она закатила вверх глаза.

Потом схватила отца за руку и потащила на кухню.

– Вот, смотри, – подняла она полотенце над тестом. – У нас уже все готово. Почти.

– Ух ты! Какие вы молодцы.

Мила спросила:

– Ты голодный или подождешь выпечку?

– Лучше подожду! Перекусил по дороге.

– Мам, а мы что, одни пироги будем лопать? Давай хоть Наташу и Илью с детками позовем? – изобразила на лице странное выражение Вера.

– А что, идея, – поддержал дочку папа. – Они уже должны с работы вернуться.

И позвонил детям с проводного телефона.

– А какие кружки на стол ставить? – Суетилась помощница.

– Самые красивые – в крапинку, наверное.

– А можно я и платье новое в горошину одену?

– Почему бы и нет?! Семейное чаепитие- это почти праздник.

Мила радовалась, что у них с мужем теперь есть такая смышленная дочка. Все ей интересно, во всем старается разобраться или помочь. До этого было тоскливо как-то и не с кем даже поговорить. Теперь они опять читали вслух книги, беседовали с ней и учили стихи.

Она вспомнила:

– Доченька, а не хочешь папе рассказать стих, который мы

только что выучили:

– Папа, хочешь послушать?

– Конечно, как же без стишка-то.

Дочка подбоченилась:

– Новый чай я заварила

И Назара пригласила.

Чай отличный, ароматный,

И на вкус такой приятный!

Сын попробовал, скривился,

Аромату удивился:

– Вкус какой-то необычный,

Он мне очень непривычный...

– Я купила лучший сорт:

В чай добавлен бергамот!

Выпил чай сынок Назар

И, обиженно сказал:

– Выпил всё до дна, но что-то

Нет в стакане бегемота»!

– Ну, как? – заглянула в глаза отца рассказчица.

– Какие вы с мамой молодцы! И пирог испекли, и чай вскипятили. Еще и стих выучили! Я и не знал, что вы такие шустрые!

В прихожей кто-то зашаркал ногами, заплакал малыш.

– А мы тоже слышали стихотворение. Молодец, учись всему, что мама дает. Она многое знает, – сказал Илюша, внося маленького сыночка и укладывая его на диван в гостиной.

– А вы Мойдодыра читали? – Поинтересовалась вошедшая в комнату Наташа с пирогом на разносе и вареньем в большой розетке – уже успела в помощницы записаться.

– Да! И не раз! Это моя любимая книжка, – стала ерзать на месте Верочка.

– А мы с мамочкой еще и играли потом в Мойдодыра, – сообщила старшая сестра, заканчивая подготавливать стол к трапезе.

– Как это играли?

– А ты у мамочки спроси. Она у нас любит всякие творческие штучки.

– Мам, а мы с тобой поиграем так же, как ты с Ильей и Наташей это делала?

– Обязательно, милая. Только не сегодня. Я что-то очень устала.

– Все готово, прошу всех к столу, – наконец последовал Наташин призыв.

Илья, как мальчишка, подскочил с места:

– С детства обожаю чаепития. Когда мы были маленькими, бабушка всегда перед ним говорила:

На Руси – один зарок,

Кроме всякой пищи:

Утром – чай, в обед – чаек,

Вечером – чаище.

– Жалко, что она сейчас не с нами, – вздохнула Наташа. – Икает, наверное, там от того, что мы ее вспоминаем?!

– А я вот узнал, что чай у нас появился не так давно. До 17 века о нем и не знали. Потом завезли в Сибирь, потом появился у зажиточного населения России. Он всегда ассоциируется с самоваром, плюшками, пирогами, тортами и баранками. В купеческих семьях его вообще пили из блюда, считая, что так он быстрее остывает.

– Вот и мы сейчас за чаем и душевной беседой будем отдыхать.

Все расселись по местам, И приступили к смакованию пирогов с чаем. Ни с чем не сравнить встречу родных и близких просто так, за общим семейным столом. Настроение поднялось в разы, на душе стало тепло и радостно.

Форточка в комнате была открыта и, несмотря на тюль, из нее появилась вдруг божья коровка:

– Ой, мамочка, какая красивая мушка прилетела, – подскочила дочка с места.

Наташа засмеялась:

– Это не мушка, а божья коровка.

– А можно ее поймать и на ладошке подержать?

Гостя, как по заказу вдруг спикировала на стол, и опустилась прямо возле чашки Верочки.

– Ой, какая она красивая, прямо как мое новое платье в горошек. – Девочка приподнялась, взяла платьице с двух сторон за подол, и прокрутилась вправо-влево, показывая себя в платье во всей красе.

От умиления за столом заулыбались.

А она потом выдала:

– Если это коровка, она должна тогда в стаде пастись?!

Но она такая маленькая, что большие коровы ее раздавят.

Все обескуражено смотрели на нее, не зная ответа на каверзный вопрос. Тут Илья нашелся:

– Верочка, но коровка-то божья? Поэтому и пасется она не в земном стаде, а в божьем. там никто никого не давит. Кроме того, она летать умеет.

– Ну, да! Очень своеобразное мышление. Далеко пойдет наша Верочка, – помотал головой Илюша.

– А куда это я еще далеко пойду. Никуда я хочу. Мне и тут с вами хорошо.

Находчивости ей хватало.

Она быстренько насытилась и занялась кормлением, лечением и катанием на коляске «кукольных детей». Она делала это с такой заботой и рвением, что никто не мог отвести от нее взгляда.

Наташа улыбнулась:

– Наверное, наша Вера врачом станет!?

– Скорее всего, в ней просто кипит жизнелюбие и желание всем помочь.– Поддержал сестру Илья.

Вера тут же вопросительно посмотрела на маму:

– Почему врачом? Я никогда никому не вру!

Мама прижала малышку к себе:

– Врач, доченька, не тот, кто врет, а кто людей лечит. Их иначе еще докторами зовут и лекарями.

– Да? – Она обернулась к папе.

Тот согласно кивнул головой. Она вздохнула облегченно:

– Ну, тогда ладно, можно и детским доктором. И воспитателем в саду. Или учительницей в школе.

На следующий день малышку вызвали на прививку в поликлинику. Она вела себя сдержанно, вытерпела все процедуры стоически. За это медсестра сунула ей в руку конфету:

– Какая смелая малышка. Побольше бы таких детей. А то рыдают, вырываются, словно я их резать собираюсь. И в кого она такая?

– В папу я! Он даже, когда упал с лестницы и сломал себе ногу, не плакал, – громко ответила девочка.

Мама улыбнулась, прижав ее к себе:

– Наблюдательная ты наша!

Она поправила на ней одежду. А на улице спросила:

– Ну что, Верочка, понравилась тебе медсестра? Она же и прививку сделала, и угостила тебя.

– Угу! Только вот не знаю, понравится ли папе, что она меня исколола всю и делала больно.

Как-то пошла Мила с Верочкой на прогулку. У соседа были голуби. Он то и дело свистел им, хлопал в ладоши и даже подпрыгивал, когда выпускал в воздух. Они были совершенно разные. Одни походили на диких, другие с лохматыми ногами, с хохолком на голове. Они громко взмахивали крыльями, взлетая и возвращаясь в голубятню. А некоторые даже кувыркалились в воздухе.

Мама с дочкой засмотрелись на красивых птиц, заворожено глядя вверх.

– А зачем люди держат голубей? Чтобы любоваться ими?

– По разным причинам: кому-то нравится их вид, а некоторым они нужны для питания.

– Какое там питание?! Они ведь малюсенькие! Вот куры, утки или гуси, – это да. Их мясо за один раз не съешь. Можно такую большую семью, как наша, до отвала накормить.

– Ну, да, ты права! Скорее, голуби нужны для красоты, наверное. А может, еще для чего-то.

Верочка замолчала, стала ходить кругами возле голубей. Потом вдруг выдала:

– Я поняла, для чего они нужны.

– И для чего же, интересно?

– А знаешь, они порядок везде наводят. Посмотри, всякие крошки, мусор везде клюют, воду из лужиц выпивают. А нам потом приятно ходить по чистым дорожкам.

– То есть, они вместо дворников у нас работают, получается?

– Ага.

Мила погладила дочку по голове:

– Ну, что, доченька, пойдём буквы учить из азбуки?

– Может, хватит уже, – скривила недовольно лицо малышка. Мы итак вчера и позавчера учили. Целых две буквы выучили.

– Солнышко, но их в азбуке 33. И чтобы научиться читать,

надо все их знать.

Верочка вдруг вся согнулась:

– Ой, что-то у меня голова разболелась, – приложила она руку к ней.

Потом схватилась другой рукой за живот, и слезливо прошептала:

– И сердце хватает, спасу нет.

Мила подивилась ее хитрости:

– А где же у тебя сердечко, милая?

– Да вот же, – показала она на живот.

– Ох, и хитренькая ты стала, прямо лисичка-сестричка.

Давай тогда отдохнем после прогулки. И приступим к занятиям. Наташа и Илюша очень любили заниматься.

– Мамочка, я тоже очень люблю все узнавать, а сейчас что-то кушать захотелось.

– Вот сейчас и поедим. На голодный желудок и жид даже удавился.

– А кто это «жид»?

– Есть такой хитрый народ – евреи. Их и называют так в шутку.

– А зачем он удавился?

– Никто не давал ему еду, он взял и лишил себя жизни, чтобы не страдать от голода.

– Бедный жид. У него не было такой доброй мамы, как у меня. Я не буду удавливать, потому что ты меня всегда кормишь.

– Конечно, Верочка.

Когда Верочка впервые пошла в детский сад, она вечером пришла возбужденная и спросила у отца:

– Папочка, а у тебя на работе есть воспитатель или нянечка.

Он переглянулся с Милой, та прыснула в ладоши и отвернулась в сторону, чтобы не видела этого дочка.

И на полном серьезе ответил:

– Нет, у взрослых не должно быть ни тех, ни других,

– А кто же тогда ругает тебя, когда ты плохо себя ведешь?

– Я стараюсь быть хорошим.

– Ну, а вдруг? – подняла брови кверху малышка.

– Если уж вдруг, то начальник есть.

– А что, он в угол тебя поставит?

– Нет, скорее, на дверь может указать.

– Как это – «укажет на дверь».

– Значит, не будет у меня ни работы, ни денег.

Верочка посерьезнела:

– Тогда ты, папочка, лучше не балуйся.

Как-то после занятий, когда мама помыла голову, а Верочка наводила порядок в своем углу с игрушками, приехала из Ейска бабушка в гости:

– Что-то я по вам так соскучилась, что не усидела дома.

Решила проведать своих любимых, – потормошила она Веру, целуя.

– Мы тоже, мамочка, давно мечтаем, чтобы быстрее при-

шло лето, – обнимая старушку, говорила Мила, – И завячься к тебе на весь отпуск! А сейчас отдохни две-три минутки. Я досушу феном волосы.

– Иди, иди, милая, я хоть посижу немного с дороги.

Она села на диван в гостиной и вытянула уставшие ноги вперед:

– Как же у меня ступни гудят.

Верочка сначала пристально вглядывалась в ноги бабушки, сидя рядом с ней и обнимая ее за полный стан. Потом оглянулась в сторону ванной комнаты:

– Да нет же, бабуля, это не твои ступни гудят, а мамочкина сушилка.

Бабушка с мамой хохотали до слез, девочка им подхихкивала, но никак не могла понять, чего такого смешного она сказала.

Отсмеявшись, бабушка вспомнила:

– Знаешь, Мила, когда ожидала на автовокзале автобус, на соседнее сиденье сел старенький такой дедушка.

– Еще старше тебя? – удивилась внучка.

– Бабушка у нас молодая. Она еще ого-го какая, – засмеялась мама Веры.

И бабушка, улыбнувшись, продолжила рассказ:

– Разговорились мы о том, о сем. Потом он говорит:

– Вот вы говорите, не все люди на земле счастливы. А я думаю: мы ведь сами его творцы.

Я переспросила:

– Не поняла. Это как?

Он в ответ:

– У каждого человека на затылке сидит нужда, а на носу удача. Если мы приуныли, опустили голову вниз, – нужда перевешивает, и скидывает удачу с носа. А если встаем с утра в настроении, делаем зарядку, обливаемся холодной водой, улыбаемся наступившему дню и поднимаем голову вверх, распрямив плечи, тогда удача оказывается сверху, а жизнь становится счастливой.

Тут подошел к посадочной площадке мой автобус. С дедушкой мы расстались. А я всю дорогу думала: а ведь прав он, мы сами забиваем себе голову всякими предрассудками и переживаниями, думаем, как на наши действия отреагируют окружающие. И смотрим не вперед и вверх, а вниз, себе под ноги. От этого не видим, как прекрасен мир.

Верочка подскочила с места и стала тренироваться правильно ходить, чтобы счастье не покидало ее никогда. Она расправляла плечи и задирала нос кверху:

– Посмотрите, правильно?. Так надо держать голову?

– Именно так, – сказала мама.

– Даже тогда, когда хочется плакать от обиды или невзгод, – добавила бабушка.

Девочка, потренировавшись не склонять голову под грузом неприятностей, отправилась обучать своих кукольных сыночков и дочек мастерству держать при себе удачу, даже когда она так и хочет улизнуть от тебя к другому:

– Запомните, дети, раз и навсегда: ничто не должно заставить вас опустить глаза и голову вниз. Это самое главное. Так сказали мама и бабушка. Уж они-то плохого ни мне, ни вам не пожелают.

Мила тяжело вздохнула:

– Знаешь, мама, мы с Васей как-то задумались: в жизни все так зыбко, как у родителей Веры, например. Доли секунды... Кажется, это так мало и так молниеносно... И кто-то в миг остается сиротой. Но кому-то эти доли секунды спасают жизнь, оберегают от плохих последствий.

Бабушка тоже с грустью в голосе поддержала:

– Ты права, дочка, в молодости мы как-то мало об этом задумываемся. А когда появляются собственные маленькие детки, и то и дело норовят куда-нибудь залезть, что-то натворить, где-то нашкодить, тут уж начинаешь задумываться: видно и правда кто-то нас оберегает.

– Что-то мы завели не очень хороший разговор. Того и гляди, носы опустятся... Они засмеялись и пошли готовить ужин на стол, скоро должен прийти Верин папа. И неплохо бы к этому времени испечь хотя бы оладьи к чаю.

Чуть погодя, пришел с работы Василий, радостно встретился с тещей. Он всегда был доволен, когда она приезжала. Таких умных женщин, как она, еще поискать. Когда-то давно, еще поначалу создания семьи, у них с Милой иногда случались столкновения. Именно благодаря теще все осталось позади. Она умело помогала дочке и зятю разрешать их про-

блемы, давала дельные советы.

Назавтра должно было наступить весеннее утро. С вечера на улице было тепло. Вера с надеждой смотрела перед сном в темное окно, словно ожидала увидеть появления весны в полной красе, как в детском саду, когда выходила какая-нибудь симпатичная девочка в красивом наряде с цветами в венке или в руках. И все понимали, что это пришла весна.

Погода в конце зимы менялась «со скоростью света». Утром, например, тепло и светло, радовалось все живое, а чуть позже ледяной ветер, дождь или снег нарушали природную идиллию. Становилось зябко и сыро.

Вчера весь день светило солнце и радостно пели птицы. А сегодня утром всей семьей выглянули в окно – вокруг стало белым-бело и дул ледяной промозглый ветер.

Верочка с обидой в голосе спросила у папы:

– Ничего не пойму. Сегодня должна быть весна, а на улице снег. А вчера была еще зима – жарило солнце. А что же будет тогда завтра? Снова зима или наступит, наконец, весна?! Или, может, лето?

Год за годом дочь становилась старше. Она росла общительная, смышлёная и добрая. У родителей с нею существовала особая связь. И пусть от ее излишней привязанности, а иногда и капризов, они иногда уставали. Но когда она сладко сопела в кровати, – не было нежнее и милее человечка.

Мила с Василием радовались, что она появилась когда-то

в их жизни.

– Я вот все думаю, как бы мы жили без нее? Ну, читали бы, в кино ходили, растили

огород и при этом скучали. Теперь интерес какой-то появился.

Мила вздохнула с улыбкой на лице:

– Это ни с чем несравнимо: обнимешь ее, поцелуешь, в чистые глазки заглянешь – вся усталость проходит. И сразу появляются новые силы и желание жить.

– Она наша. И этим все сказано, – подхватил ее слова муж.

– Я поражаюсь ее сообразительности и хитрости.

– Ну да! Мы наивно полагали: научим ее чему-то, будем воспитывать. Оказалось, нет, она наш учитель! Она согрела наши сердца, которые, чего греха таить, от проблем стали почти ледяными и наполнила жизнь смыслом. Жаль, конечно, ее младенческие годы прошли без нас. Мы не видели первую улыбку, не при нас она гулила, не были свидетелями появления первого зубика и не слышали начальные осознанные слова. Не знаем, что она сказала раньше: «мама» или «папа».

– А, может, «баба». У нее ведь еще и бабушка была. И братишка. Все было и растаяло, как сон. Один миг – и ничего не стало, – засомневался муж, вздыхая. – Мне кажется, она была смешной, когда впервые пошла своими ножками.

– И мне. Она ведь не худенькая. А, значит, качалась и махала руками, как балансиром.

Мила настолько отождествила Верочку со старшей доче-

рю, что кажется, все о ней знала и все видела собственными глазами.

– Представь себе, я такого же мнения. Говорят: нельзя любить чужого ребенка. Ерунда все это. Я люблю ее, как собственную. И это чувство не описать словами, оно не поддается объяснению.

Глава 3. Сон. Люба. 1964 год

Как-то осенью ближе к обеду Писаревы отправились на собственной машине в торговый центр. Ехали и молчали, думая каждый о своем.

Вдруг Мила, загадочно посмотрела на мужа:

– Представляешь, мне сегодня такой интересный сон приснился.

– Плохой? – Повернул он голову в ее сторону.

– Почему сразу плохой? Очень даже хороший! Приснилось, что ты принес домой маленькую девочку. Я была счастлива до потери пульса. Переодевала и обнимала ее, радуясь, что снова стала матерью.

– Тебе точно такое привиделось?

– Я когда – нибудь говорила неправду?

Супруг расхохотался, и, захлебываясь собственным смехом, выдал из себя:

– Ну, надо же! Такое совпадение!

– Ты о чем? – удивилась Мила.

– Я тоже подобное видел. Будто веду я машину. Вдруг женщина с обочины бросает мне под колеса сверток. Нажал на тормоз. Выскочил из машины. И поднял из-под колес кроху в одеяле.

Я просто взбесился:

– Ты что? С ума сошла? Дитя под колеса бросаешь? И се-

бя, и водителя под статью толкаешь! Это же дар Божий, который не каждому в нашей жизни дается.

Женщина размазывала по лицу слезы, глядя на меня пристально и злобно:

– А что мне с этого дара? Как прикажете растить ее? Она постоянно есть просит, а мне нечем кормить.

– Выходит, она совсем тебе не нужна?

– А зачем она мне!? Как смогу одна ее поднять: работы нет и найти ее нет возможности, пока дитя не вырастет.

– Так ты откажись от малышки в мою пользу. Зачем жизни лишать, бросать, как щенка, под колеса?! Я найду пропитание и обеспечу всем необходимым.

Нерадивая мать встрепенулась:

– Да с удовольствием. А что, так можно?

– Интересные вы, женщины! Как с мужиками кувыркаться, так вы грамотные! А как с дитем обращаться, не знаете. Вам лучше жизни лишить, чем дать второй шанс.

– Да и не кувыркалась я вовсе. Изнасиловали меня три выродка, когда из института домой шла. Даже не знаю, кто из них оказался плодовитым. Когда стало видно живот, пришлось из семьи уйти и из института.

– Так ты ДНК сделай.

– А деньги? И где потом этого папашу искать?

Я почесал подбородок:

– Ну и ситуация.

В это время по встречной полосе мимо проезжала ми-

лицейская машина. Поднял руку. Автомобиль остановился. Из окна выглянул работник правоохранительных органов.

– В чем дело?

Я пригнулся к нему:

– Товарищ милиционер! Подойдите к нам, пожалуйста.

Тот перешел на противоположную сторону дороги:

– Вам помощь нужна?

– Тут такое дело. – Начал я. – Женщине не на что содержать ребенка. Она хочет отказаться от него. А мы с супругой могли бы заняться его воспитанием. По медицинским показаниям жены мы уже не имеем возможности родить собственного крепыша, а любви и тепла еще хватает. Подскажите, как это сделать быстрее и проще?

Милиционер пристально посмотрел на потенциальную отказницу, потом на меня:

– Вам повезло, меня часто приглашают на составление таких документов. И именную печать я взял с собой, так как еду в опеку и попечительство. Документ лучше мне самому туда завезти. Думаю, правильнее доверить воспитание людям адекватным и добрым, чем вытаскивать малюток из мусорных ящиков и колючих зарослей в лесу.

Он составил акт и удостоверил наши подписи. Я с копией отказа и с ребенком отправился домой. А он в опеку.

– Если бы все было так просто. Захотел малыша. И взял на воспитание. А-то ведь куча препятствий на пути.

В это самое время в одной из неблагополучных семей

случилась непоправимая беда. Десятилетняя дочка пришла из детского дома проведать родных, взять кое-что из своих вещей и отказ матери от нее. Мать пьянствовала с собутыльниками и не обратила на ее приход внимания. Зато девочка понравилась одному из пьянчуг:

– Какая ладненькая куколка. А что, если я ее... это...? Ну, так сказать, сделаю своей любимой кралей?

Мать неустойчиво кивнула головой:

– Две бутылки на стол... и дерзай. Давно пора поставить ей мозги на место. А-то, видишь ли, мать ей плохая. И флаг тебе в руки, – загоготала она, как сумасшедшая.

В проеме Любиной двери показался толстый мужик с пропитой физиономией.

– Дядя, вам чего? Мама на кухне.

– М-мне н-не нужна твоя м-мама! Я к-к т-тебе, – промычал мужик.

И повалил девочку на кровать, потом склонился к ее губам. От него воняло водкой и какой-то кислятиной. Она отвела голову в сторону, стала вырываться. Никто без ее желания не тронет ее. Особенно этот вонючий алкаш.

Толстяк от ее отказа только распалился. Он предполагал, что с ее стороны возможен протест, но думал, она чуть поломается и сдастся. А тут сопротивление не стихало, а поднималось по восходящей.

Он пробовал взять ее мягкостью и нежностью.

– Ну, чего ты ломаешься? Все когда-то становятся жен-

щинами. Я сделаю тебя королевой, будешь в шелках и золоте ходить.

– Ага, как ты, пьянь чумазая! Ненавижу! Пошел вон! Мама! Помоги!

Но маме было не до криков. Волновало другое: как бы при дележе водки не обхитрили собутыльники..

– Ах, так, не хочешь по- хорошему, могу прибегнуть к грубости, – орал похотливый алкаш.

– Отпустите меня! Прошу вас! Милицию на вас натравлю! Гады! – кричала Люба.

Но никто не спешил ей на помощь.

Мужик стягивал одежду, надавливая на ее тело своим, растянул ее руки в разные стороны. И при этом безрезультатно пытался поймать слюнявым ртом ее губы. Только это почти получилась, она со всей силы прикусила ему губу. Во рту появился привкус собственной крови.

Это настолько взбесило его, что он схватил руками ее ночную сорочку и разорвал сверху донизу. Потом сделал то же самое с нижним бельем. Его желание обладать недотрогой достигло апогея, а для нее это означало опуститься в собственных глазах до самого пола.

Он требовательно подминал ее под себя. Она при этом кусалась и царапалась, хотя натиск мужика и ее силы несопоставимы. Он наматывал ее волосы на руку, и трепал голову из стороны в сторону. И все равно никак не мог подчинить своей воле:

– Мама, помоги! Насилуют! – кричала она.

А пьяная в дымину мама делала вид, что не слышит собственной дочери. Лишь посмеивалась:

– Чего орать – то? Уж он-то справится. Взрослая уже. Раз шапкой не собьешь, – пора зарабатывать деньги в семью. И так, воли много было. В циркачки, видишь ли, в Москву захотелось. Она будет жить и хлеб с икрой и маслом трескать, а матери помогать не надо, пусть прозябает в нищете. У самой во-он какие шмотки в детдоме выдали, а мать в обносках ходит.

– Тamar, может, зря ты это все затеяла? Жалко. Дочка ведь, – подал голос ее партнер по выпивке, что сидел между нею и старшим сыном, который от злости сжимал губы и зыркал глазами на мать. Но ничего не говорил.

– Молчи уже! Я – мать, лучше знаю, что плохо, а что хорошо. В детстве она от нас сбежала, попала в детдом. Ее там кормили, поили, одевали, спала на чистеньком постельном белье. Хоть бы раз вспомнила обо мне. Нет, ей мой отказ и приемную семью подавай. Там, видишь ли, ей лучше будет. А я? Я что, плохая мать?

– Никто не винит тебя. Ну, будут другие родители, станут заботиться о ней. Хоть об этом не надо будет думать. А ты все равно останешься ее биологической матерью.

– Ладно! Давай, наливай! За это надо выпить.

А насильник тем временем в соседней комнате решил вырубить Любу кулаком. Он ударив сначала со всей силы в ли-

цо, потом так же ниже живота, она согнулась от боли, но продолжала отталкивать от себя ногами. Он колотил ее по лодыжкам, а потом, схватив за подмышки, так тряханул, что у нее колыхнулась голова. И в то же время попал кулаком по ней. Она ударилась затылком о спинку кровати. Перед глазами заплесали искры.

Кровать и вся Люба покрылись разводами крови. Таким же был и он. Ее голое тело приводило насильника в неистовое желание. А девочка от стыда укрывалась руками от него и защищала свою честь, насколько позволяла ей девичья сила.

Он уже не контролировал себя и колотил по лицу, рукам, потом снова намотал на руку косы и с силой развел ей ноги. При первой же попытке совокупиться с нею, раздались нечеловеческие вопли девочки. И только после наступления оргазма увидел, что простынь, его предмет для секса и вся его жертва были в крови.

Он даже сам не мог поверить в то, что распалился до избиения малолетки. А потом уже ничего не оставалось, как бить, словно ставя точку: не бывать тому, чтобы в постели командовала женщина, пусть даже еще и девственница.

Давно с ним такого не случалось. Злость прямо раздирала его. Жалость и сожаление он старательно прогонял из головы. Женщины для того и созданы, чтобы убажывать мужчину, быть их игрушкой по жизни.

Для него утренний секс с девочкой принес позитивное

настроение, даже гордость собой. Когда он забылся на миг от усталости, Люба сползла с кровати, оставляя кровавый след везде, где передвигалась, открыла окно, и с трудом вылезла через него на улицу из дома матери, которая не спасла ее, свою малолетнюю дочь, от насильника. А еще и насмеялась, слыша ее вопли и зов о помощи. Это не мать, а дьявол в юбке. Никогда ее ноги здесь больше не будет. И зачем только приходила сюда?

Хотела получить письменный отказ от нее и порадовать, что нашлись приемные родители. Страшно даже представить, что теперь будет? Как жить после всей этой грязи? Сумеет ли она показаться детском доме после такого позора? Нет, не могла она пойти туда. Поэтому зашла в сарай учреждения, упала на доски и сжалась в комок, обливаясь слезами.

Боль физическая слегка утихла, теперь плакала душа. У нее не было сил привести себя в порядок, мир померк, и впереди зияла черная тьма. Лишь одно вертелось в голове: все выдержу и рано или поздно попаду в семью. Ладно, отец осудит, но мама-то поймет и поможет. Она жила сейчас мизерной надеждой, что потенциальные родители не откажутся от нее, не бросят в беде.

Не все в нашей жизни получается так, как хочется. Лежала и плакала так до самого утра. Но голод не тетка, утром поплелась в сторону продуктового магазина. Смотришь, кто-то пожалеет и накормит. С самого утра она то стояла возле

двери, то сидела на лавочке неподалеку.

Семилетняя Вера ближе к вечеру пошла за продуктами. Вернулась домой взволнованная:

– Мама, ко мне сейчас возле магазина пристали два детдомовца. Один стал вырывать сумку с продуктами, а другой выкручивать руку. Было так больно, я кричала и плакала.

Мила сжала кулаки:

– Что они тебе сделали?

– Ничего! Подбежала девочка, она до этого тоже плакала на лавочке. И тому хулигану сзади подножку подставила, он упал, ударился носом, стал размазывать кровь по лицу.

Тот, что держал меня за руку, орал ей:

– Кто тебя звал сюда, Любка?

– А чего меня звать? Отстаньте от девчонки, не получите по шеям, – огрызнулась она, и завернула ему руку за спину.

Потом пнула под зад:

– Пошел вон, оба пошли отсюда, придурки!

Мальчишка прищурился и зашипел на нее, как змея:

– Я скажу в детдоме, что ты грязная и дерешься, – попадешь в темную комнату!

– Директор узнает, что вы детей обижаете, – самих туда отправит.

Мальчишки убежали. Я глянула, а у девочки на лице, руках и ногах, – везде синяки и кровь.

– Поэтому она плакала?

– Да, она сказала, ее алкаш один побил.

Когда он пришел, мама Любина пьяная сидела за столом с алкашами, он отдал ей две бутылки водки. И ввалился в комнату вслед за Любой.

– А сколько же девочке лет?

– Десять, кажется.

– Чего же она весь день сидит на лавочке, и никуда не уходит? – заволновалась мать малышки.

– Так она детдомовская. Отпросилась мать проведать. А потом убежала из дома через окно. Тот дядька и наставил ей синяков, который за нею в комнату приперся.

Мы потом подружились, сидели на лавочке и разговаривали. Я отломилась ей кусок от булочки и колбасы. Ты не будешь ругаться?

– За что же корить тебя, солнышко, если все правильно сделала?

Верочка прижалась к Миле:

– Мы сидели и ели булку с колбасой, и еще болтали ногами. Мне было так хорошо, будто она моя сестра, – подняла дочка распухшие глаза на маму.

У Милы от волнения забилося сердце и закралось подозрение: дядька мог не только просто побить девочку.

– Доченька, покажи, где вы сидели с Любой.

– Пойдем. Я ей так и сказала, что ты поможешь.

Мила погладила девочку по голове:

– Моя ты умница. Ну-ка, вспомни: что на ней надето? На улице – то прохладно.

– Только большущий сарафан и комнатные шлепанцы, вроде.

Мила еще больше утвердилась в своем подозрении.

– Подожди, найду что-нибудь теплое для нее, и пойдем.

И задумалась: что взять для бедняги, какого она роста?

Она забралась на стул возле шкафа и достала с антресолей вещи старшей дочери, которые вполне могли сейчас пригодиться.

Скоро Вера уже бежала к лавочке, где все еще сидела полураздетая девочка с грустными, почти взрослыми глазами. Столько отчаяния и растерянности было в них, что у Милы заныло сердце. Появилось такое же щемящее чувство, какое испытала три года назад, когда узнала историю появления Верочки в детском доме. Люба смахивала сейчас на экзотический цветок, сорванный безжалостной рукой из родной почвы.

Мила надела на девочку теплые вещи, и спросила:

– Люба, скажи, тот дядька только бил тебя, больше ничего не делал?

– Он бил меня, порвал платье, за все хватал, делал мне больно, а потом свалился и уснул. Я выскочила в окно совсем раздетая, с веревки сняла мамин сарафан, что сох после стирки, за сараем оделась. Больше туда не пойду, потому что боюсь. То брат, то дядьки там пристают.

Мила удивилась:

– А что же мама?

– Она всегда напивается водки, и тут же начинает орать, что я нахлебница, и мне пора зарабатывать деньги в семью.

Мила сочувственно пожала плечами:

– Если у вас такое творится, лучше тогда в детдоме жить?

– Так я там два года и живу. Когда брат ко мне лез, бил и рвал на мне вещи, я ударила его кастрюлей с солеными огурцами. Мать их всегда много солит для закуски. И убежала из дому, жила в подвале дома рядом со школой. Кто-то из жильцов написал жалобу, меня забрали в милицию и определили в детский дом.

– И с тех пор ты не была в школе?

– Почему? До вчерашнего дня училась. Теперь не знаю, как там с синяками покажусь.

– А зачем же вчера пошла в родительский дом?

Девочку подняла горящие глаза на Милу:

– А я, может, хочу, чтобы в семью взяли, и я стала артисткой цирка! Чем я хуже других? Для этого нужен отказ матери от меня. А она кричит, что не будет этого делать: раз она дала мне жизнь, я по гроб обязана заботиться о ней. И должна начать это делать уже сейчас.

Мила покачала головой:

– А, знаешь, Люба, пойдем к нам в гости. У нас есть ванна, одежда старшей дочери. Отдохнешь. Приведешь себя в порядок, переночуешь у нас. Никто тебя ругать не будет. Я предупрежу директора. Не в таком же виде в детдом возвращаться.

У Верочки загорелись глаза:

– Мамуль, и чай с пирогами будем пить?

– Обязательно. Я сегодня твой любимый яблочный испек-
ла.

– Ура! Мамулечка у меня самая лучшая.– Она чмокнула
Милу в щеку.

И повернула голову к Любе:

– А ты любишь такой?

– Кажется, да. Нам давали как-то в детдоме. Только я
не помню, с чем, – покраснела Люба.

– Пойдем скорей, – сказала Вера. И протянула ей руку. Та
поплелась с Милой и Верой, стараясь не расплакаться у них
на глазах. Все болело. Было одно лишь желание – выспаться,
чтобы заработали мозги. От усталости она была не в силах
мыслить.

Поздно вечером Мила по телефону рассказала обо всем
директору детдома и старшим детям Илье и Наташе.

– Мамочка, постарайся все на Любе сохранить в таком ви-
де, какой есть, – твердил в трубку сын, как аксиому, повто-
ряя то же самое, что и чуть раньше директор.

– Что ты имеешь в виду?

– Не давай купаться, надо полное медицинское освиде-
тельство провести.

– В том-то и дело, я как раз хотела искупать ее. А у нее
хватило только сил на чай с пирогом, потом вырубилась пря-
мо за столом.

– Вот и славно. Рано утром заедем за директором учре-

ждения и отвезем Любу в милицию и к судмедэкспертам.

Примерно через час дети приехали в родительский дом. Теперь вся семья сидела за столом и решала, как помочь попавшей в беду девочке.

Наташа и мама были непреклонны:

– Этих педофилов надо лишать способности даже мечтать о близости с детьми, лишив их бесполезного органа.

– Какие вы кровожадные, – улыбалась мужская часть семьи. Хотя, конечно правы. Они даже после заключения не успокаиваются. И снова попадают на подобных преступлениях.

– Вот недавно читал, что не успел освободиться такой любитель подростков, как его снова поймали за изнасилование ребенка и его убийство меньше, чем через двое суток, – сказал Илья.

– Ну, правильно, зачем оставлять свидетеля в живых? – зыркнула на окно Наташа, словно именно за ним скрывались все преступники мира.

Мила села на любимого конька:

– По-умному с такими поступают в Азии! Их лишают мужского достоинства. Сразу наступает штиль.

– Как бы не так! Не имея возможности совершить желаемое, они за деньги предлагают малышам другим насильникам, создают подпольные эротические салоны, где издеваются над детьми, неважно, кто они, мальчики или девочки.

Илья вздохнул:

– Народ совсем на деньгах помешался. Вот вынь да положи им богатство. И чем быстрее, тем лучше.

Василий, как глава семейства, решил поставить точку на отвлечениях от темы:

– Что-то мы отошли от нашей беды. Девочка попала в переплет. Сможем ли мы ей как-то помочь?

– Для начала нужно освидетельствование провести, – подал голос Илья.

Мила громко вздохнула:

– Я разговаривала с директором детдома по телефону. Как только завтра приведем Любу, он будет ждать с медсестрой и психологом учреждения. Специалисты поговорят с нею, запишут объяснение на диктофон и отвезут на автобусе в экспертное бюро.

– А в суд когда?

– Первым делом освидетельствование и беседа с психологом, потом все остальное.

– Директор сказала еще, что детдомовские специалисты переживают, не заартачится ли девочка, не повернет все действия вспять из жалости или нажима родственников?!

Ее собиралась удочерить одна семья. Когда я позвонила, они как раз были в кабинете директора. Тот при мне поделился с ними бедой, в какую попала бедняга. И предполагаемые родители в один голос закричали:

– Нет! Нам не нужна испорченная девчонка. А – то возьми такую, и будешь локти кусать. Мы хотели взять в семью

серьезную, без проблем и темного прошлого!

Василий сверкнул глазами и помахал кулаком почему-то в сторону входной двери:

– Вот из-за таких горе – усыновителей дети перестают верить взрослым, в то, что мир

бывает не только черно-белым! Им что, на выставку выставлять горемыку? И в чем ее вина, если родная мать продала за две бутылки водки собутыльнику?! Милочка, мы же не бросим девочку наедине с этим ужасом?

А та и сама подумала вслух:

– Где три с лишним года назад нашлось место одной малышке, там, если чуть подвинуться, можно найти его и для другой.

Наташа предостерегающе сказала:

– Смотрите, родители, с десятилетней девочкой вам встретится проблем больше, чем было с трехлетней малышкой.

Отец отмахнулся:

– Верно-то, верно! Но мы с матерью никогда их не боялись. Всегда решали по мере поступления. Даже с Вами бывало всякое. Так ведь, мать?

Мила кивнула головой:

– Сейчас главное, – успокоить Любу, поддержать, чтобы она знала, – мы на ее стороне.

Пусть никого не боится, доводит дело о наказании виновных до завершения. А мы пока займемся документами по ее

удочерению.

На этом и остановились. И дружно отправились спать.

Утром встали рано. Старшие дети тут же засобирались домой.

– Быстренько все приводим себя в порядок, завтракаем и разбегаемся по рабочим местам, – скомандовал папа.

– Пап, ну мы у себя дома поедим, если получится, а- то ведь семьи переживают.

– Ну, вы... Ладно, счастливого пути. Спасибо, что приехали, помогли принять решение.

– Да мы что! Всегда вас поддержим, – ответила Наташа.

– А вы у нас классные! Ни у кого нет таких родителей! – Сверкнули глаза у Ильи.

Они на прощание обняли мать с отцом. И уехали.

Люба, как услышала, что ей предстоит идти в детдом, приуныла и теперь сидела с отрешенным взглядом в сторонке от стола. Верочка безрезультатно пыталась ее разговорить:

– Как спалось, Люба? Что-нибудь снилось?

– Да так себе, все тело болело. Кошмары всякие плелись. А теперь еще идти в проклятый детдом.

Мила села рядом:

– Верочка, помоги папе накрыть на стол, а я пока с нашей гостьей побеседую.

– Ага. Я мигом.

– Может, подушка или матрас были жесткими, милая? – обняла она девочку.

– Да нет, тетя Мила, все нормально. Просто домашний кошмар крутился в мозгу всю ночь. Я так боюсь возвращаться в учреждение, и еще больше жить там вечно. – Она глубоко вздохнула, из глаз потекли слезы. – Мне у вас так хорошо было. Все добрые, внимательные.

– Ты – хорошая девочка, Люба. Не останешься в казенных стенах надолго.

– Не успокаивайте. Я слышала, что потенциальные родители отказались от меня. А я так надеялась на них.

– Да не переживай так. Скажи, а с нами хотела бы жить!?

У девочки вспыхнули глаза:

– Еще как! Вы и, правда, возьмете меня?

Мила ответила:

– У нас правило: никого не бросать в беде. Только есть и условие к тебе: в детдоме ждут специалисты. Все честно и подробно им расскажи, пройди полное освидетельствование и постарайся спокойно отнестись ко всему, что произойдет в суде. Пойми, преступник должен сидеть в тюрьме. Если его туда не отправить, пожалуй, он надругается еще над кем-то. Такая у них психология. Никого и ничего не бойся. А мы пока подготовим документы для твоего удочерения. Договорились?

Девочка прижалась к Миле и зашмыгала носом:

– Я все сделаю, тетечка Милочка, как вы сказали. Только не бросайте меня, как те.

У Милы засвербило в груди: бедная девочка, всего десять

лет, а уже встретила с предательством, насилием, непониманием и с агрессией. Если не помочь бедолаге сейчас, она сломается. Вся дальнейшая жизнь пойдет кувырком.

После завтрака она отвела Любу в детский дом. И оставила там для прохождения всего, что положено в подобных случаях. Там специалисты, они свое дело знают четко. Сама занялась сбором необходимых документов и работой, периодически узнавая, как дела у Любы.

Родные дети не были против удочерения Любы, они просто переживали, хватит ли у мамы и папы здоровья и сил на воспитание двух девочек. А Верочка опасалась стать лишней, нелюбимой, когда в семье появится еще один ребенок.

Она спряталась за занавеску, и не хотела оттуда выходить.

– Что с тобой, солнышко? – спросила ее Мила.

– Мамочка, я очень хочу, чтобы вы с папой стали родителями Любе, но я боюсь...

– И что ж тебя так пугает, Верочка?

– А то, что вы меня отдадите кому-нибудь другому.

Мама обняла малышку:

– Чего это мы станем тебя отдавать кому-то, ты нам самим нужна. Мы тебя любим. Нам хорошо всем вместе. Так ведь?

– Ага. А когда папа купил новую машину, он же продал старую?! А вдруг и меня вы на Любу поменяете.

– Что ты, милая, – погладила дочку по голове мама, дети – не товар, их не меняют. Мы просто возьмем Любу к себе. И вы будете обе нашими дочками, а друг другу сестрами.

Станете дружить, помогать друг другу.

– Ну, тогда берите. Мне она тоже нравится.

Вскоре в семье появилась еще одна дочка. Любу в школу приняли не в четвертый класс, а в третий. Сказали, что ее экзаменовали и вынесли решение из-за многочисленных пропусков провести с нею повторное обучение. Верочка в тот же год стала первоклассницей, переходя из класса в класс с отличными оценками. Все в семье Писаревых постепенно налаживалось.

Глава 4. Люба привыкает к семье

Росла семья, добавлялись проблемы. Удочеряя малышку трех лет, семье Писаревых не пришлось подстраиваться под ее пагубные привычки, вредные наклонности. Их просто не было. Она вошла в семью тихо и спокойно, словно просто на полгода отлучилась куда-то, а теперь вернулась. Все ей казались близкими и родными, чего не скажешь о появлении Любы.

Поначалу замечалось и прятанье кусков хлеба под матрас или подушку: про запас. Слишком часто в прошлой жизни ей приходилось голодать. Не раз родители сталкивались с воровством из шкафов и ящиков вещей и бижутерии. Даже Верины вещи она пыталась натянуть на себя, хотя отличалась от нее плотным сложением и высоким ростом. Если вещи при этом рвались, она резким рывком руки вверх забрасывала их за платяной шкаф.

Родители все терпели, разъясняли, приводили примеры, стараясь привить дочке понимание, в чем разница между нахождением в учреждении и жизнью в семье, чтобы ей стало, наконец, понятно, что хорошо и что плохо.

Мама говорила:

– Доченька, брать чужое без разрешения нехорошо. Если что-то надо, ты скажи мне или папе. Любой из нас, если сможет, выполнит твою просьбу. Вот сегодня ты порвала Верин

ны белые гольфы. Хорошо, мы узнали об этом сейчас, а то бы через два дня, идя на первую в своей жизни линейку в школе, ей пришлось бы натягивать на ноги порванные гольфы. Хочешь такие же, скажи. И мы купим тебе, но большего размера.

Однажды Люба пошла в школу в обуви мамы. Ей показалось, что она достаточно взрослая, чтобы стучать высокими каблучками по асфальту, а не ходить в туфлях на низком каблуке. В результате маме пришлось отправиться на работу в комнатных шлепках, оправдываясь перед коллегами, что в спешке перепутала обувь.

А вечером после возвращения домой еще бежать в сапожную мастерскую, чтобы отремонтировали сломанный каблук. Во всем нужна сноровка и выучка. А Люба по кочкам и рытвинам шагала, как корова по льду, и думала, что все восторгаются ее походкой, как моделями на подиуме. И даже не заметила, как каблук подвернулся, и она очутилась в лу-же.

Тут уж папа взялся объяснять Любе, что можно делать в семье, а что не стоит.

– Люба, дорогая наша доченька. Вот представь, у тебя есть любимый медвежонок, без которого ты не можешь заснуть. А я возьму его, потому что он мне тоже понравится. Тебе станет от этого хорошо?

– Нет, я ведь не засну ночью.

– Что же ты тогда забрала мамины туфли без спросу.

Ты подумала, в чем ей выходить из дому? Мы не бедные, но у каждого есть только главное, без излишеств.

– Ой! – закусила губу дочка, – решила, раз мы семья, можно брать все. А еще, как я буду классно выглядеть, а о маме забыла.

– В семье принято заботиться не только о своих желаниях, но и о возможностях. Все разрешилось нормально, мама отремонтировала туфли. На будущее, постарайся при собственных желаниях вспоминать и о других членах семьи. Придет время, и у тебя появятся взрослые вещи. А пока вы с Верой еще не совсем выросли, они на вас выглядят нелепо. Когда тебе исполнится четырнадцать лет, сам лично куплю понравившиеся тебе туфли или босоножки на среднем каблучке. Договорились?

– Конечно, папа. Еще год и я буду, как леди с обложки!?! – Она стала кружиться в вальсе перед зеркалом, предвкушая свой будущий триумф.

Короче, Любино поведение потребовало немалой коррекции и вложения сил. Это был кропотливый и последовательный труд путем разъяснений, приведения примеров, закрепления результатов и частого поощрения. Бывают дети, понимающие все с полуслова, а бывают такие, которые с тобой без похвалы и разговаривать не захотят. Так вот Любе требовалась постоянная похвала. Слишком долго она находилась в среде, где слова честь и справедливость не были главными.

Она вела себя так, будто все должны создавать ей блага

и прекрасную жизнь. Ей все были обязаны. Даже Верочке предъявляла претензии типа:

– Говорила: у вас все есть, а сегодня вот я захотела курицу жареную, а мне мама сказала, что на обед у нас тушеное мясо из говядины с пюре. А я терпеть не могу пюре, лучше бы макароны отварили.

Верочка вздыхала:

– Мама пытается разнообразить пищу на столе. Вчера была курица, сегодня вот говядина, а завтра, может, что-то из свинины или рыбы будет. Все вкусное. Мне нравится. Мама говорит, в каждом продукте свои нужные организму витамины и еще что-то. Я ей верю.

– Ну и пожалуйста! Я и в детдоме могла так питаться. А ты ростом «метр с кепкой», а рассуждаешь тут о пользе для организма.

Вера брезгливо оттопырила губы:

– Зачем тогда рвалась в семью, если тебе и без нас так хорошо?

– Думала, здесь будут обо мне заботиться и все будет так, как я хочу.

– А ты что, одна в семье? Нас вон сколько! И все чего-то желают.

– Маменькина дочка! – зло бросила Люба сестре в лицо.

– А ты неблагодарная крыса! Мама с папой стараются, чтобы ты хорошо питалась, все покупают нам обеим. Никто теперь не может тебя обидеть.

– А я просила защищать меня?!

– Кто же это делал, когда ты впервые у нас появилась?!

– Не я, это точно! Мама сама предложила!

Выходило: все виноваты, что мать биологическая запила, не спасла ее в момент насилия, нынешние родители не выполняют всех ее запросов. Чем же тогда в семье лучше, чем в детдоме? Там даже воли было больше. Пусть за забор не выпускали, зато со своими ребятами можно было творить всякое.

– В детдоме никто не заставлял помогать, убирать в комнате, заботиться о младших. Всем этим занимались воспитатели, – высказывала старшая сестра младшей. – А здесь туда нельзя, сюда не стоит. У нас в классе вечер на днях собираются провести, а в чем я пойду? В спортивном костюме, что родители купили? Или в халате? Или, может, прошлогодний трикотажный костюм одену?

Вера подскочила на месте:

– Это о ком ты заботишься? Обо мне что ли? Ты сама требуешь больше заботы, чем я.

В комнату вошла мама:

– И чего вы все спорите? Я услышала, дочь, у вас вечер будет? Что же ты молчишь? Ничего не говоришь.

– Да, послезавтра будет, – надула губы Люба. – А чего говорить? Я не пойду. Откуда возьмется у меня модное платье, как у одноклассниц? А идти в старом, – засмеют.

– Пусть только попробуют. Папа подарил мне отрез шелка

на день рождения. Мы сделаем с тобой наряд даже лучше, чем у твоих подруг. Только фасон выбери.

У Любы заискрились глаза:

– Я у подружки в журнале мод видела платье потрясное – с буфами и коротким рукавчиком. Сошьешь такое?

– Любой каприз по фото в журнале.

– Так я сбегая к Нинке?

– Конечно. А я пока все приготовлю.

На вечере мальчишки не сводили глаз с Любы, девчонки с завистью смотрели на нее. Платье, сшитое по последнему писку моды, оттеняло голубые глаза, подчеркивало точечную фигуру и стройные ноги. Люба чувствовала себя королевой красоты. Ей это нравилось, она всегда мечтала оказаться центром Вселенной. И на этом празднике она им была.

После вечера она радостно делилась впечатлением:

– Мамочка, я была лучше всех на вечере. Девчонки мне завидовали и спрашивали:” Платье от Армани?» Я так счастлива, – кружилась она по комнате.

– И что надо кому-то сказать? – спросил у нее отец, вошедший в комнату с Верой, обвившей его руками сбоку.

Люба недоуменно оглянулась:

– Не поняла. Что? Кому?

– Подумай, благодаря кому ты выделялась среди друзей?

– А, это мама сшила шикарное платье.

Отец сделал жест головой, как бы говоря: « Ну, и»...

– Ой, мамочка, спасибо! Ты сегодня сделала меня неотра-

зимой, – обняла Люба сидевшую на краю дивана Милу. – Я и не ожидала, что так получится.

– Ты еще многого не знаешь. Придет время, все поймешь. Семья держится на мамах.

– На любви она держится, – возразила покрасневшая Мила. – Я вас всех очень люблю. Всей душой люблю. А она не думает, как разум, она чувствует и знает. Поэтому никогда не ошибается. Она вот и сейчас шепчет мне, что все у нас будет хорошо, просто не может быть плохо, когда мы хотим быть счастливыми.

Она обняла Любу. А отец и младшая дочь ее. Всем стало тепло и уютно.

Глава 5. 1966 год. Поездка к бабушке

Наступило лето. Писаревы засобирались в отпуск к бабушке, на Азовское море. Они очень любили отдых в Ейске, который можно назвать райским местом из моря, песка и солнца. Тихий, спокойный советский городок с парками и аллеями, множеством развлечений и кинотеатров. Все там звало и привлекало. Если зайдешь в кафе, – чудесная еда, если в кафетерий – коктейли и мороженое самые разные и необыкновенно вкусные. А уж квас вообще редко, где найдешь лучше,

Когда природа создавала этот уголок, она в первую очередь позаботилась именно об отдыхе с детьми в краю с мягким солнечным климатом и теплым неглубоким морем в основном с песчаными пляжами, хотя воссоздала и каменистые берега, ракушечные и галечные. Там нет промышленных предприятий и полчищ комаров. В общем, можно найти отдых на любой вкус,

В дороге Вера с Любой читали старую Ейскую газету. Оказывается, там «в ветреную погоду, случается, со дна моря волнами поднимается взвесь из лечебной грязи. Тогда оно становится мутным и, как ни странно, полезным людям с болезнями костей, мышц нервов. И даже оказывает омолажи-

вающее действие.»

Люба тогда расхохоталась:

– Вот здорово! Заходишь в воду такой хромающей старушкой, а выходишь из нее цветущей леди! Надо запомнить на будущее!

Вера ухмыльнулась:

– Любишь ты все переворачивать вверх ногами. Имеется в виду, кожа станет гладкой.

Вон, как у нашей мамы.

Писаревым особенно нравилось купание с детьми в лимане. Выходя из дома, они постоянно встречали людей с колясками, маленькими детьми, с полотенцами, кругами, совочками, формочками. Все спешили к лиману, где спокойно, мелко и теплая вода.

Бабушкин домик находился в первой линии от него. Прямо во дворе слышался шум прибоя и крик чаек. Писаревы там расслаблялись и нежились, кто в тени, кто на солнышке. Особенно радовались общению с морским воздухом и теплой прохладной водой девочки. Они, как рыбки, барахтались в воде, то подпрыгивая над волнами, то ныряя под них. При этом визжали так, что уши закладывало. Накупавшись, они бежали в дом обедать. Аппетит после водных процедур был отменный.

Мила с мужем ощущали себя здесь причастными к чему-то волшебному. Нравилось нежиться на песке, вглядываясь в лазурный горизонт, ощущая при этом бесконечность

и выискивая ту черту, за которой теряется море. Любое мгновение старались впитать в себя, получая удовольствие от ласкающих прикосновений волн, от влажных или сухих поцелуев ветра, даже от колких ракушек, впившихся в огрубевшую кожу ступней. Впитывая сердцем, глазами, душой и вдыхая живительный, соленый, аромат моря, они еще раз убеждались в неисповедимости жизни.

Люба, окунувшись в воду, чуть побарахтавшись и побрызгавшись ею с Верой, всегда кричала:

– Пап, иди к нам, здесь такой кайф! Вода, как в ванной!

Василий тогда снимал одежду и в плавках с разбегу и криками несся к дочкам, высоко поднимая ноги в воде. Клал одну руку на другую перед собой. Люба тут же забиралась на них ногами, делала сальто назад и оказывалась в волнах, при этом визжа от удовольствия. Со временем такой финт понравился и Вере. Отец был их обязательным товарищем при купании.

Потом сестренки поочередно выскакивали на песчаный берег:

– Мамочка, ну, чего ты сидишь в тени и не купаешься? Там так здорово!

Они тянули ее на глубину, поливали водой из сложенных ладошек. Но Мила долго на солнце старалась не находиться. Не позволяло подорванное здоровье.

Бывало иногда, вмиг сгущались тучи, море вспенивалось, набегая волнами, сбивая купальщиков с ног, переворачивая

всех и швыряя в разные стороны. Тогда они терялись в волнах, в глазах темнело от страха: вдруг не смогут одолеть разбушевавшуюся стихию, хотя и боролись изо всех сил.

Когда наступал дневной зной, Писаревы гуляли по какому-нибудь парку, которых в Ейске встречалось множество. Все они словно из сказки: утопали в роскошной зелени, вокруг яркими пятнами пестрели клумбы цветов, благоухающих разными ароматами. Уютные лавочки в тенистых местах призывно сверкали краской. Если по пути попадались аттракционы, девочки обязательно их опробовали, а взрослые в это время спокойно беседовали, сидя на скамейке.

Иногда Писаревы бродили, вдыхая морской воздух по набережной на Ейской косе, где выстроен целый городок аттракционов с колесом обозрения. С него они с удовольствием любовались панорамой всего города. Дух захватывало от высоты и завораживающего пейзажа. Многие гости Ейска толпились около столиков турагентов, чтобы отправиться в туристические поездки в другие населенные пункты, морские рейсы на катерах на необитаемый остров.

Однажды Василий остался дома для чистки не вовремя забившейся канализации. Мила с матерью отправились на прогулку с девочками одни. В одном из тенистых мест сели отдохнуть на лавочку:

– Вижу, все у вас в порядке, Милочка? – обняла за плечи свою взрослую дочь старушка.

– Нормально, мама! Девочки привыкли к нам. Мы тоже.

Учатся хорошо. Особенно Вера. Отдали ее в музыкальную школу. Учителя хвалят. Оказывается, талант у нее и абсолютный слух. Видимо, в биологическую маму пошла.

– И слава Богу. Ну, что бы из них вышло в детдоме? Ничего хорошего. Кто бы там следил за их развитием? А Люба, смотрю, прямо красавицей становится. Лишь бы родительские гены в ней не выиграли.

Мила вздохнула

– Мы с Васей тоже этого опасаемся. Пока все нормально, но подростковый возраст все покажет. По крайней мере, ей с нами хорошо. Да и мы пока довольны. Подбежали дочери, которые только что наперегонки носились по парковой аллее, Вера завершала:

– Мамочка, а мы пойдем в зоопарк? Помнишь, в том году там были? В нем такие интересные зверюшки. Мягкие, пушистые, ласковые.

– И волки что ли ласковые? – подначивала младшую сестру старшая.

– Ну, причем тут волки? Я их не люблю. Мне больше нравятся зайчики, белочки, обезьянки.

– Сама ты, как белочка. Все ходишь, и орешки грызешь, – снова дразнила сестру Люба.

– Можно подумать, ты не грызешь!?

– А хотя бы и так! Но я интересуюсь не только зоопарком.

Вера обиделась:

– Посмотрите на нее. Фифа нашлась. Вырядилась, как

на свидание!

– Для меня любой выход на улицу- праздник. Хоть и говорят, что встречают по уму, точно знаю, лукавят.

Она отвернулась от Веры. Поправила свои пушистые волосы и поморгала глазами для большей выразительности.

И тут же поинтересовалась:

– А в парк Поддубного пойдем? Там такая тень, просто обалдеть можно. И молодежи много. Каждый выпендривается по- своему.

– Люба, выбирай слова! Мы в общественном месте. – Сделала замечание Мила. Веди себя культурно.

Та сверкнула на нее злыми глазами и надулась.

Младшая сестра выделялась бурной реакцией на любое обидное слово или давление со стороны. Стоило ей попасть в стесняющие обстоятельства, или подумать, что кто-то диктует ей свое мнение, она моментально теряла самообладание, мягкость и сдержанность. И вот как сейчас обижалась. Люба тоже загоралась от любого вмешательства в ее мир, считая, что она по старшинству в свои почти четырнадцать лет имеет на это право.

Мама решила разрядить обстановку:

– Вот завтра с утра и прогуляемся в парк, пока у зверей будет кормежка.

– Ура! – Закричали в один голос сестренки.

Обиды обеих ушли на второй план. Они уже обнимали друг друга, шепчась. А вслух Люба только и сказала:

– В том году мы с Верой фотографировались у памятника, «держа» в руках гантели богатыря.

Бабушка поддакнула:

– И сейчас можете это сделать у его памятника перед входом в Музей. Он удачно расположен и красиво освещен солнечными лучами, а за ним растут деревья, которые создают прекрасный летом и весной зеленый фон для всех, кто хочет запечатлеть эту достопримечательность на своих фотографиях. Куда ни посмотришь, обязательно найдется кто-то позирующий перед камерой.

– В тот раз ты была с гирей, теперь моя очередь, – вскочила с лавочки Вера.

– Маленькая еще командовать, – толкнула ее Люба.

Вера упала на колени и с обидой крикнула:

– Ах, ты так! Ну, берегись! – Она сжала кулаки и пошла в сторону Любы, сузив глаза.

Бабушка приструнила внучек:

– Господи, девочки, успокойтесь. Из вас энергия прет, как из трансформатора. Дайте нам с мамой посидеть спокойно и поговорить. Обязательно пойдете и к зверушкам, и к силачу, – засмеялась она, – только завтра. Лучше возьмите деньги и сбегайте за мороженым. Вон продается с лотков в тенечке. А потом сходим туда, где вы еще не были,

– А где это мы еще не были, бабушка? – Поинтересовалась старшая внучка. Старушка хитро улыбнулась:

– Это сюрприз.

– Ну, бабушка...

– Никаких вопросов. Какой же это будет секрет, если я вам все выложу заранее?

Внучки устремились к лотку с мороженым. От его разнообразия у них зарябило в глазах. Люба повернула голову к младшей сестре:

– А давай сегодня «Большой папа» в хрустящем сахарном рожке возьмем?! Мне чур с шоколадом!

– А мне с джемом. Так сладенького хочется, – облизнула губы Вера. – А маме с бабушкой какое возьмем?

– Ты же знаешь, они эскимо на палочке любят.

Бабушка в это время говорила Миле:

– Хочу сводить вас в открытый в этом году дельфинарий.

Та повернула вполоборота голову и удивленно приподняла брови:

– Да ну! Дельфинарий открыли? Кто-нибудь уже был там?

– Вышедшие с представления просто в восторге.

– Вот это новость, Любе с Верой понравится. Они недавно смотрели передачу про дельфинов, все удивлялись, почему они помогают людям при несчастных случаях, а не накидываются на них, как акулы.

Расправившись с мороженым, Мила, бабушка и девочки отправились на остановку автобуса, потом по набережной прошлись легким шагом, заглядывая в торговые палатки и любуясь морем. Их догнал папа. Как он догадался, где их искать?

– Мама, смотри, футболки с рисунками! – показывала Вера. – У нас с Любой таких никогда не было!

Бабушка улыбнулась:

– А я вам еще красивее в подарок купила.

– Правда? Вот здорово! – Девочки чмокнули бабушку в щеку.

– Тут брелки атасовские! Рыбки прямо в стекле плавают! – загорелись глаза Любы.

– А вот фигурка дельфинчика! Он прямо, как живой! А мы такие купим?

– Обязательно, – ответила мама. И тут же протянула дочкам по брелку.

И вот они оказались у большого помещения, где стояла толпа людей. Девочки прочитали: «Дельфинарий». Глаза их вспыхнули, как лампочки Ильича:

– А что, там дельфины будут? – удивились они в один голос.

– Конечно! – коротко сказала бабушка, довольная произведенным эффектом.

– Ура, ура! Я так их люблю! – запрыгала на месте Вера.

В шоу участвовали морской котик, белуха и пара дельфинов. Дельфины под восторженные крики зрителей синхронно плавали и делали множество всяких движений, еще высоко прыгали над водой. Люба с Верой от выступления были в восторге.

– Мама, ты только посмотри, они кувыркаются в воде! –

громко шептала Вера. – А теперь вон прыгают вверх, как мы с Любой на батуте!

Бассейн находился близко от гостей. Иногда дельфины обрызгивали зрителей водой или бросали мячи в зал. Трибуны визжали и ревели от радости и возможности поучаствовать в игре с животными. Они возвращали игрушку и снова взрывались от появления ее снова на зрительских рядах вместе с прохладными каплями.

– Ой, папочка! Я его поймала, – визжала Люба, возвращая игрушку в бассейн.

– Кто поймает мяч, посланный дельфином, будет счастливым! – Шутил папа.

Девочки в это верили. И старались любым способом оказаться с ним в руках. После представления они сфотографировались с животными у бассейна. Надо было видеть, с каким довольным видом вышли они на снимках.

Люба при выходе из зала торжествовала:

– Я сегодня два раза оказалась счастливой.

– И нам с мамой один раз повезло, – хлопала в ладоши Верочка.

Люба прошептала на ухо бабушке:

– Ну, ты и партизанка, бабуля! Знала, что в городе такое чудо, и никому не сказала. Она привязалась к старушке с самого появления в семье Писаревых, когда та приехала в гости впервые. И теперь это единение прочно укрепилось.

Ночью, когда все, усталые, отправились в спальни, только

бабушка и она почему-то не легли в кровати. Решили пообщаться за чашкой травяного чая. Бабушка готовила его особенному. При отменном вкусе в нем ощущался аромат трав, как только подносили чашку ко рту.

– Ну, как тебе, Любаша, живется с родителями? Не бывает разладов?

– Что ты, бабуля, мне никогда не было так хорошо. Я давно забыла о кошмаре детских лет. Если честно, даже не подозревала, что есть семьи, где не тиранят и не лезут с нравоучениями.

Когда впервые оказалась у них, думала: «Пройдет немного времени, и они станут такими же, как прежние». Но они какие были, добрые и участливые, такими и остались до сих пор. Я даже забыла, что когда-то была в другой семье и в детдоме.

– Да, внученька, детдом – не место для детей. Они там, как манекены – без собственного мнения и понимания жизни.

– Если честно, бабуль, для меня он был лучше, чем ад в родительской семье. Хотя, я никогда его не любила и боялась. Еще в детстве я потеряла друзей, у них отец с матерью из-за пьянки были лишены родительских прав. Старший Ромка, мой ровесник, может, чуть младше, и его сестренка Ритка, – хорошенькая белобрысая девчонка лет трех-четырех.

В памяти жуткий беспорядок в их квартире, отсутствие продуктов и вещей. Даже занавесок на окнах и постельного

белья у них не было. Еще помню добрых бабушек во дворе, сующих вечно голодным друзьям бутерброды с колбаской. Ромка очень трогательно заботился о сестре. Они всегда были вместе. Мы играли во дворе, вместе бегали в «запретный» парк на соседней улице – тайком лазали по деревьям, вытирали подорожником разбитые Риткины коленки.

Однажды Ромка пришел гулять один со страшными, опухшими глазами. Мне стало тогда по-настоящему страшно. Помню его сжатые кулаки и слезы в глазах.

– Они забрали Ритку. Меня тоже скоро это ждет. Украду ее, – махнул рукой он тогда обреченно, – и мы убежим с ней далеко-далеко.

Больше я никогда их не видела. Тогда мне было лет восемь, и я ничего не могла сделать для них. А тут у самой умер отец. Мамка после этого, как свихнулась: ушла с работы, стала пить и чужих дядек в дом водить. Юрка-то – брат – уже тогда в ПТУ учился после восьмилетки. И он с ними вместе стал выпивать.

– Бедная моя внученька, сколько неприятных воспоминаний в твоей прелестной головке, – погладила девочку бабушкина мозолистая рука. Хорошо, что это теперь в прошлом. Дай Бог, чтобы ни у кого не было такого детства.

А Люба тем временем продолжала:

– С тех пор закончилась моя спокойная жизнь. Я и в подворотнях стала от брата и мужиков прятаться, и в школу редко ходить. А куда я пойду грязная, голодная, босая? Каж-

дый раз кто-нибудь приставал ко мне, я выскакивала в окно, которое всегда держала с открытыми шпингалетами. Прята-лась в высотных домах.

Как-то у подъезда – моего укрытия- появилась милиция.

– Да замучили уже эти бездомные! Кто знает, что у них на уме? – перекрикивала всех тетка с первого этажа.

– Вот-вот! То кодла пацанская какая-то ночевала. Теперь где-то с месяц девчонка обитает! – Вторила ей тетка со вто-рого этажа.– И чего им дома не живется!?

Я подумала тогда, что зря тяжелые сумки помогала ей до двери подносить?!

Участковый достал ручку из кармана и открыл папку, со-бираясь записывать:

– Они что-то у вас воровали или шумели тут?

– Да ничего такого не было, – но во всем должен быть порядок, – опять горланила жительница первого этажа. Дети должны жить с родителями, а не шляться по улицам.

Милиционеры разделились по одному и стали прочесы-вать цокольный этаж. Я как раз тогда была в подвале, меня и поймали.

– А вот и девчонка! – схватил за шкурку милиционер, как нашкодившее животное.

– Дяденька, отпустите, я не буду здесь ночевать. Я к зна-комой зашла.– Кричала я.

– В отделении разберемся, кто к кому зашел, – потащил он меня к выходу из схрона.

И на виду у ребят всей школы, в которой я училась, затолкнул в машину и отвез в отдел опеки.

Бабушка прижала к себе голову Любы:

– Господи! Многострадальная моя внучка! И что же опека?

Люба вздохнула:

– Да ничего, они подали документы в суд на ограничение матери в правах на меня, и отвезли в детский дом. Дети там смотрели с укором, жалостью и обреченностью.

Чуть позже я поняла, почему. Обыкновенная тюрьма. И никакого просвета, если только не повезет, и кто-то не захочет взять в семью. И все же... Там я хоть вдоволь наелась и увидела чистоту. Не то что у матери.

– Мне вот до сих пор непонятно, внученька, зачем ты пошла в тот день к ней в дом?

– А чего тут неясного? Из детдома стали удочерять моих подруг. Я тоже хотела жить в большой, крепкой семье в собственном доме, чтобы, как своих детей, любили и заступались за меня, – у нее покатались слезы по щекам. – Я тогда дала шоколадку сторожу и он отпустил до вечера. Выходной ведь был.

– И что же, ты, такая хорошенькая, никому из потенциальных усыновителей не понравилась? – нежно отодвинула от своего плеча девочку и заглянула в ее глаза бабушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.